

УДК 903.2:903.07
DOI: 10.17223/19988613/49/3

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова

ГЛИНЯНАЯ «ПОГРЕМУШКА» В ВИДЕ ГОЛОВЫ МЕДВЕДЯ И ВАРИАНТЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОСИТЕЛЯМИ КРотовСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЭПОХА БРОНЗЫ, КОНЕЦ III тыс. до н.э., БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Приводится всесторонний анализ глиняной погремушки в виде головы медведя, обнаруженной на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь). Представлены результаты морфологического, рентгеноскопического и технологического исследования артефакта. Предложены основные варианты функциональной интерпретации изделия: детская игрушка, ритуальный предмет, музыкальный инструмент. Приведены археологические, этнографические и этноисторические параллели. Сделан вывод о многофункциональности изделия.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь; эпоха бронзы; кротовская культура; глиняная погремушка.

Посвящается Л.А. Чиндиной

Археологические исследования таежной зоны Западной Сибири, особенно активно проводимые начиная с последней четверти прошлого столетия, неизменно радуют научное сообщество замечательными открытиями. К числу исследователей, внесших огромный вклад в изучение этого экстремального с точки зрения обитания здесь человека региона, относится профессор Томского государственного университета Людмила Александровна Чиндина. В числе ее выдающихся достижений – всестороннее исследование кулайской и рёлкинской культур таежной зоны Западной Сибири, опубликованное, кроме многочисленных статей, в серии монографий (см., например: [1–3]). Л.А. Чиндина хорошо известна и как крупный организатор науки. Именно ей мы обязаны проведением регулярных западносибирских археолого-этнографических совещаний, несомненно, способствующих развитию археологии и этнографии в стране, и, что немаловажно, воспитанию научных кадров [4. С. 215–220].

В предлагаемой работе, посвященной Людмиле Александровне, мы решили коснуться актуальной для западносибирской археологии и этнографии темы, связанной с образом «хозяина тайги» – медведя. По проблемам, так или иначе связанным с этим сюжетом, имеется гигантский массив научной литературы, поэтому мы рассмотрим одну из них через призму замечательной находки, сделанной авторами на поселении кротовской культуры Венгерово-2, в предтаежной / лесостепной зоне юга Западносибирской равнины, именуемой Барабой. Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Тартас, в двух километрах от районного центра Венгерово [5]. Первые два жилища здесь были исследованы одним из авторов еще в семидесятые годы прошлого столетия. Их мате-

риалы послужили существенной основой для выделения кротовской культуры [6]. С 2011 г. раскопки возобновлены, памятник изучается ежегодно [7].

В котловане жилища № 9 в 2016 г., на полу (т.е. стратиграфически безупречно), среди большого скопления фрагментов керамики была сделана уникальная находка – глиняная скульптурка, реалистично передающая голову «хозяина тайги» – медведя (рис. 1, 1–5).

Изделие выполнено мастерски. Несмотря на имеющую место стилизацию, образ животного выглядит не только узнаваемо, но даже трогательно. Изделие относится к разряду парциальных: изображена только головка. Пасть зверя слегка приоткрыта, а характерные овальные ушки несколько прижаты (рис. 2, 1). Морфологические признаки (вытянутые губы, отсутствие впадины между лбом и переносицей, округлый свод головы) указывают на малый возраст изображенной особи [8. С. 44]. В нижней части скульптурки, в области шеи, сформована миниатюрная ручка. Поверхность скульптурки была обработана расчесами зубчатого орудия, имитирующими шерсть зверя. Цвет изделия – от бежевого до темно-коричневого, неровный, что, очевидно, объясняется костровым обжигом. При встряхивании фигурки отчетливо слышен характерный шум, аналогичный звукам современной погремушки. Размеры скульптурки 5,1×4,3×4 см.

Для изучения технологии изготовления изделия без нарушения целостности был сделан рентгеноскопический анализ. Исследование проведено в Институте ядерной физики СО РАН на установке АРИНА-3¹. В результате было получено несколько снимков фигурки с разных ракурсов, демонстрирующих ее внешнюю и внутреннюю структуру, заполнение, а также следы технологии (рис. 2, 2).

1

2

3

4

5

Рис. 1. Поселение Венгерово-2: 1 – котлован жилища № 9 (фото с юга); 2 – скопление керамики и погремушка в северо-восточной части жилища № 9 (фото); 3 – реконструкция использования ручки (рис. Е. В. Шумаковой); 4, 5 – фото погремушки после фиксации и извлечения из слоя

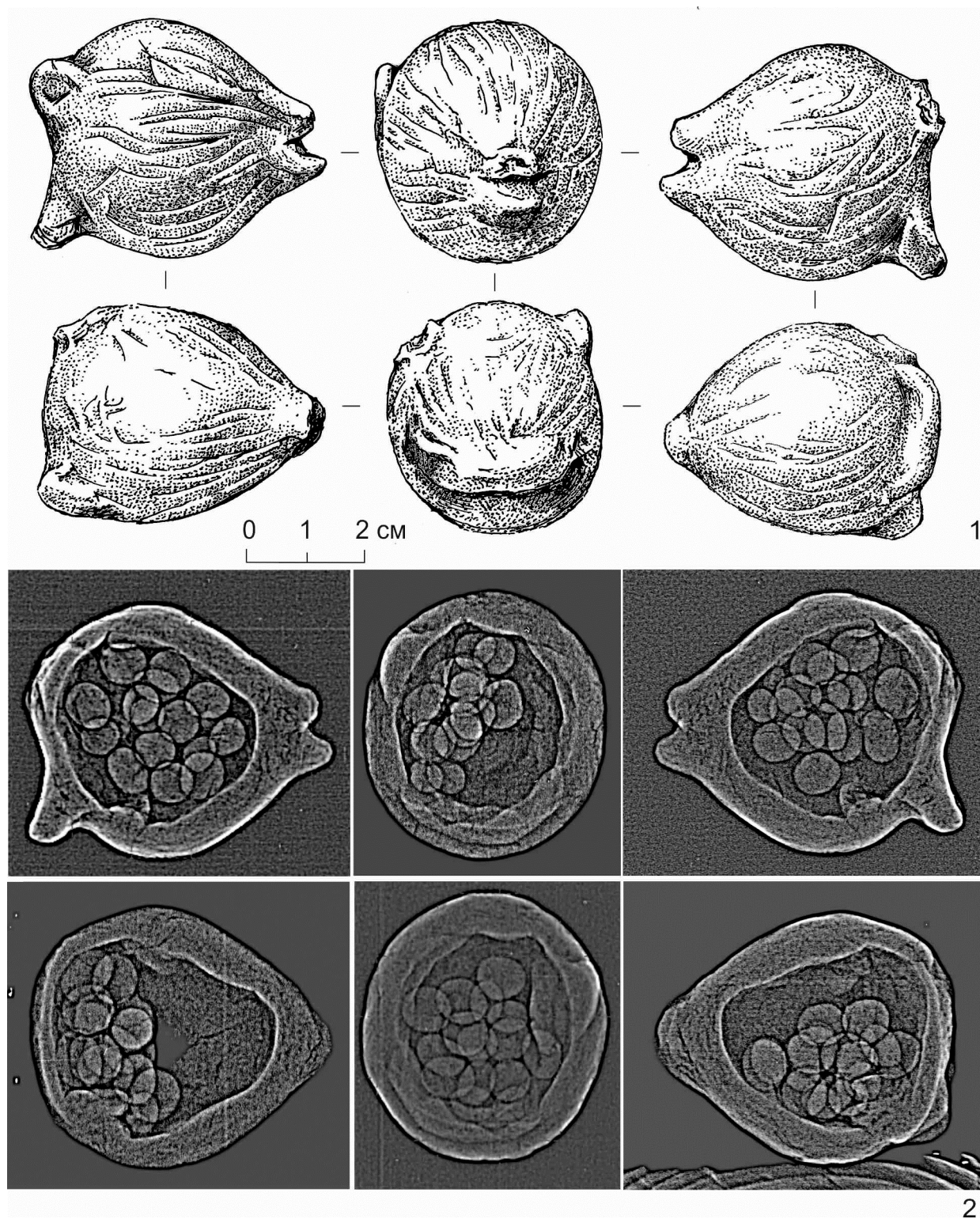

Рис. 2. Глиняная погремушки в виде головы медведя в шести проекциях:
1 – рисунок; 2 – рентгеноскопические снимки

Скульптурка полая. Толщина стенок неравномерна и изменяется от 0,3 до 0,6 см. Изделие выполнено в технике лоскутного налёпа. Начин представлял собой округлую чашечку. Внутренняя поверхность неровная, со следами формовки пальцами, внешняя хорошо залощена. Выпуклые части (нос, уши, ручка) изготовлены путем накладывания дополнительных лоскутков глины и дальнейшей их расформовки. Полость доста-

точно плотно заполнена шестнадцатью шариками. Все они выполнены, как и сама скульптурка, из глины с большим содержанием песка. Шарики имеют округлую или слегка вытянутую (овальную) форму. Диаметры их варьируют от 0,3 до 0,7 мм.

Таким образом, перед нами изделие уникальное, полных аналогов ему в археологических комплексах Старого и Нового света, а также эпохи бронзы Сибири

нам не известно. Хотя глиняные погремушки как в виде шаров, так и в форме птиц и животных очень широко встречаются во времени (от неолита до позднего Средневековья и Нового времени) и пространстве [9]. Археологический контекст нахождения «погремушек» также чрезвычайно широк и разнообразен. Например, на поселениях раннего железного века Испании они исчисляются сотнями [Ibid. P. 49], подобные предметы не редкость в захоронениях детей и взрослых на могильниках Ла Тен (Франция) [10. P. 290].

Встал вопрос – как использовался данный предмет носителями кротовской культуры эпохи бронзы? К настоящему времени имеется значительное количество статей, посвященных анализу глиняных погремушек, их морфологической специфике, а также всевозможным вариантам применения в различных аспектах человеческой деятельности. В качестве примера можно привести фундаментальное исследование испанских ученых Р.Х. Пасалодос, К.Г. Бенито и Д.Ю. Фернандес, в котором представлен всесторонний анализ данного вида источников [9. P. 47–64]. С учетом этого опыта и, в то же время, опираясь на конкретную историческую ситуацию, можно предложить несколько вариантов функциональной интерпретации находки.

Первая версия лежит на поверхности. Мы уже писали в статье, посвященной раскопкам памятника Венгеро-2 [11], что более всего изделие напоминает детскую игрушку, погремушку, весьма похожую на те, которые с успехом используются в современной практике ухода за ребенком. При этом наблюдается использование образа детёныша какого-то животного (чаще всего – ласкового и доброго, какими являются щенки, котята, медвежата, лошадки и т.д.). Нередко даже сами малолетние животные (например, ягнята) являются своего рода игрушками у детей современных сообществ скотоводов. Именно таким образом, по видимому, могли использоваться погремушки в виде обычных глиняных полых небольших шаров или более сложных по форме предметов, заполненных мелкими камушками (см., например: [12. P. 1–20]) либо глиняными шариками [13. С. 39. Фото 71].

Вторая версия также выглядит вполне логично. Она сводится к определению шумящего зооморфного предмета (явно погремушки) как изделия ритуального. Такой предмет из глины в виде бубенчика с выраженной дужкой для подвешивания с камушками внутри, издающий при встряхивании характерный звук, трактуется опубликовавшим его В.Е. Медведевым как подвеска к костюму шамана [14], т.е. предмет носит, по мнению исследователя, явно сакральные функции. Данная версия выглядит тем более привлекательно, так как изделие было обнаружено при изучении культового центра эпохи неолита у с. Вознесеновка на р. Амур, относящегося к малышевской культуре [Там же. С. 48–49]. Хотя для эпохи развитой бронзы Западной Сибири выделять подобные центры было бы в настоящее время преждевременным, нельзя все же не отметить такой

памятник, как Самусь-IV, близкий по времени кротовской культуре. На памятнике найден не только набор своеобразной посуды с антропоморфной, орнитоморфной и солярной символикой [15, 16], но и богатейшая пластика в виде антропоморфной, фаллической и зооморфной скульптуры, целым рядом исследователей справедливо связываемой с сакральной функцией [17–19]. Следует иметь в виду, что, скорее всего, артефакты, которые мы находим в археологических комплексах древности (включая в значительной степени период Средневековья и Нового времени), каковые порой принято называть «предметами искусства», несли на себе сакральную нагрузку, смысл, далеко не всегда понятный нам, но очевидный для человека той эпохи, в которой они бытовали. Также, скорее всего, было и с рассматриваемой погремушкой в виде головки медведя.

Важно отметить, что проявление образа медведя в различных предметах пластического искусства у носителей культур эпохи ранней–развитой бронзы Западной Сибири было достаточно разнообразным и представительным (см., например: [20]). Несомненно, особое место отводилось голове зверя. Этому имеется довольно большое количество свидетельств. Например, следует отметить большое количество остатков медвежьих черепов, приносимых на североуральские святилища, начиная с эпохи бронзы до современности [21. С. 8]. То же самое можно сказать и о клыках и когтях хищника, служивших в качестве нашейных и нашиваемых на одежду амулетов. Наконец, это скульптурные изображения медвежьих голов из дерева и камня, обнаруженные на уже упомянутом выше поселении Самусь-IV [22], Шигирском торфянике [23], в памятниках эпохи бронзы Барабинской лесостепи и Горного Алтая [24, 25]. Использование символа медвежьей головы в качестве охранительного, причем в разных проявлениях, неоднократно приводится в этнографической литературе [26]².

Возвращаясь к анализируемому предмету, уместно напомнить, что при встряхивании погремушка издает отчетливый звук, хорошо слышимый окружающим, что определенно говорит об одной из значимых функций предмета. Напомним, что использование шумящих подвесок в шаманской практике и шаманском костюме позволяет предлагать возможную его ритуальную интерпретацию. Наглядным примером является широкое использование в Прикамье в период раннего Средневековья (I–X вв. н.э.) бронзовых арочных шумящих подвесок, где центральным выступает образ медведя в жертвенной позе (голова, заключенная между передними лапами). Подвески завершаются шумящими элементами на цепочках. Публикуемая Л.И. Липиной сводка таких изделий насчитывает около 40 единиц [27], что, несомненно, говорит о популярности данного сочетания.

Возможно использование погремушки и в качестве музыкального инструмента, способного издавать ритмический звук. По мнению Л.В. Лбовой и Д.В. Кожев-

никовой, подобные изделия, в том числе детские игрушки, «являются составной частью музыкальной культуры любого этноса» [28]. Исследователи подчеркивают, что к предметам, создающим звуковой фон, относятся разнообразные изделия (галыки, зубы животных, раковины), датируемые еще эпохой палеолита. Например, подобный исследуемому предмет в виде глиняного шара с мелкими камушками внутри обнаружен на палеолитическом поселении Вис II в бассейне рр. Вычегды и Симвы в Коми [29]. Разумеется, следует отдавать себе отчет, что рассматриваемая трактовка — это лишь одна из версий интерпретации функционального назначения предмета, которую, впрочем, учитывая многообразные этнографические примеры разнообразия подобного рода «инструментов» в музыкальной культуре народов Сибири (см., например: [30]), исключать не следует.

На возможную трактовку погремушки как некоего символа, связанного со звуком, уже обращали внимание исследователи [31]. Глиняные шарики нередко, наряду с камушками, встречаются в погребальных комплексах, к примеру в погребениях эпохи бронзы Ла Тен в Шампань Арденн (Франция) [10. Р. 68]. В таком же сочетании (глиняные погремушки + глиняные шарики) известны они в галльских захоронениях в Бельгии [32. Р. 350]. На поселении Венгерово-2 выявлена довольно большая серия обожженных глиняных шариков правильной формы небольшого диаметра — в пределах 0,5–4,5 см [33]. Интересно, что подобные шарики в том или ином количестве найдены и на других поселениях кротовской культуры. Их размеры не позволяют связывать эти изделия только с утилитарной функ-

цией. Однако, может быть, перед нами составляющие более крупных шумящих инструментов, основа которых могла изготавливаться из кожи или дерева (нельзя исключать, в том числе, и глину), каковые могли использоваться в обрядовой практике носителей данной культуры. Еще один вариант применения шариков предложен испанскими исследователями: помещение их в небольшие сосудики, где они при встряхивании также будут издавать звуки [9]. Конечно, это не более чем гипотеза, однако, если представить себе содержащее анализируемого предмета, найденное вне формы, — предположение выглядит не столь уж беспочвенным.

В специальной литературе имеют место и иные, менее популярные версии использования погремушек, однако о них также нужно упомянуть. Например, высказана точка зрения об использовании погремушек для азартных игр [34. Р. 179].

Существует и «экзотическая» версия о возможном использовании погремушек, основанная на этноисторическом подходе. Она сводится к идее «имитации магии», применения погремушек в качестве амулетов плодородия, сохранения беременности и помощи при родах [9. Р. 52].

Подводя итоги анализу погремушки в виде головки медведя из поселения кротовской культуры Венгерово-2, а также возможным версиям ее использования, справедливо полагать, что и это изделие, и другие подобные предметы, близкие по своей семантической сущности, затрагиваемые в данной работе, скорее всего, многофункциональны и их интерпретация тесно связана с хронологическим и культурно-историческим контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаем искреннюю благодарность директору Института ядерной физики Сибирского отделения РАН академику П.В. Логачеву за любезно представленную возможность осуществить данный эксперимент.

² В коллективной монографии «Медведь в древних и современных культурах Сибири» [26] исчерпывающе представлена литература, посвященная обрядовой практике, связанной с этими животными у народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
3. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
4. Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 310 с.
5. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск : НПП по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. 139 с. (Материалы «Свода археологических памятников истории и культуры народов России». Вып. 3).
6. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 171 с.
7. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Поселение Венгерово-2 // Россия как археологическое пространство. М. : Изд-во ИА РАН, 2016. С. 74–77.
8. Шевченко Б.П. Анатомия бурого медведя. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2003. 454 с.
9. Peraldos R.Ji., Benito C.G., Fernández Ju.Je.P. The Clay Rattles of the Numantine Museum of Soria. An Approach from Experimental Archaeology (Spain). *Orient-Archäologie*. Leidorf, 2014. Bd. 33. P. 47–64.
10. Clodre-Tisson T. La musique aux âges du Bronze et du Fer en Europe (Ph.D. diss. Université de Paris I Panthéon-Sorbonne). Paris, 2006.
11. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Борзых К.А., Селин Д.В. Поселение кротовской культуры Венгерово-2: Новые открытия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 343–347.
12. Fenenga G.L., Erwin B., Erwin W. A Prehistoric Ceramic Rattle from the Southwestern Shoreline of Ancient Lake Cahuilla, Imperial County, California // *Racific Coast Archaeological Society Quarterly*. 2015. Vol. 51, № 1. P. 1–20.
13. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2011. 152 с.
14. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 4 (24). С. 40–69.
15. Матюшенко В.И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь-IV // *Советская археология*. 1961. № 4. С. 266–269.
16. Косарев М.Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике // *Советская археология*. 1964. № 1. С. 292–295.

17. Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху энеолита и ранней бронзы // Экспедиции Государственного исторического музея. М. : Изд-во ГИМ, 1969. С. 39–63.
18. Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесостепной полосы СССР. М. : Наука, 1987. С. 318–326.
19. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура: Труды Музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. II. С. 526.
20. Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 23–36.
21. Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археологическим данным) // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 4–9.
22. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. II. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 227 с.
23. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. М. : Изд-во ГИМ, 1940. 104 с. Труды ГИМ. Вып. X.
24. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
25. Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западносибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1994 (История и культура востока Азии). С. 82–86.
26. Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 104 с.
27. Липина Л.И. Иконография арочных шумящих подвесок с образом медведя в Приуралье // Пятые Берсовские чтения. К 100-летию Е.М. Берс. Екатеринбург : Квадрат, 2006. С. 152–155.
28. Лбова Л.В., Кожевникова Д.В. Музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2016. 180 с.
29. Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии общественных наук. Нижний Тагил : Изд-во НТГСПА, 2006. С. 61–70.
30. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М. : Изд-во вост. лит., 2002. 718 с.
31. Martín Valls R., Romero Carnicero F. Dos sonajeros Vacceos. Boletín del Seminario de Estudios e Arte y Arqueología, 1980. XLVI. P. 160–165.
32. Ancel J.M. La cremation en milieu rural en Gaule Belgique romaine. Lex exemples de la Lorraine et du Nord Pas de Calais (Ph.D. cliss. Université Lumière -Lyon 2). Lyon, 2010.
33. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Кротовская культура в Правобережном Прииртышье: новые исследования поселения Венгерovo-2 // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 14, вып. 3 : Археология и этнография. С. 63–75.
34. Mérida y Alinari J.R. La Arqueología Española / ed. by M. Díaz-Andreu (Pamplona) (1st ed. 1929). 2004.

Molodin Vyacheslav I. Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; *Mylnikova Lyudmila N.* Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru; *Nesterova Marina S.* Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: msnesterova@gmail.com

THE CLAY "RATTLE" IN THE SHAPE OF BEAR HEAD AND THE VARIANTS OF ITS USAGE BY THE POPULATION OF KROTOVO CULTURE (BRONZE AGE, THE END OF THE 3RD MILLENNIUM BC, BARABA FOREST-STEPPE).

Keywords: Baraba forest-steppe; bronze age; Krotovo culture; clay rattle.

Comprehensive analysis of clay rattle in the shape of bear head found on the Krotovo settlement Vengerovo-2 (Baraba forest-steppe) is represented in the article. The study contains the results of morphological, fluoroscopic and technological survey of the artifact. The rattle is hollow ceramic ball with molded details: ears, nose, ajar chops, and a handle. Morphological traits (stretched lips, absence of cavity between forehead and nose bridge, roundish skull) indicate young age of the depicted specimen. Its surface was treated with notched tool to imitate pelage of an animal. The workpiece was made in the rag technic. Inside the rattle there were found 16 ceramic balls, which utter specific sound with joggle. Authors offer several variants of functional interpretation of the artifact, relying on wide archaeological, ethnographic and ethnohistorical parallels. The first version is connected with straight analogies in modern culture of childhood and supposes that this rattle was used as a child's toy. The second version is that this noisy zoomorphic object was used with ritual purpose. The rattle from the sacral place of the Neolithic site near the Voznesenovka village (Amur River) is presented as the closest analogy. Also, authors adduce a range of archaeological and ethnographic data significant about the value of bear's image and in particular bear's head in products of ancient and medieval Western Siberia population's plastic arts. Besides the stylistics and zoomorphic image, the importance of the "sound" function is noticed. As examples of analogy there are mentioned: common usage of noisy pendants in shaman's practice and costume; wide spreading of noisy bronze arched pendants in the medieval period in Prikamye region, where central position belongs to the bear in sacrificial pose. The third version supposes usage of the rattle as musical percussion instrument. Ceramic balls are found rather frequently on the sites of Krotovo culture. On the base of this version authors suggest hypothesis that probably these balls pertain to such or larger musical instruments, which were made from the organic materials (wood, leather etc.). Also there are noted other scientists' hypotheses about usage of rattles in gambling and as fertility amulet. In conclusion authors notice that suggested variants of this object usage are not mutually exclusive. This artifact, such as similar objects and analogies, probably was multifunctional and its interpretation tightly bound to chronological and cultural historical context.

REFERENCES

1. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Rilka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient History of the Middle Ob River in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Molodin, V.I. (2015) *Ocherki istorii sibirskoy arkheologii* [Essays on the History of Siberian Archeology]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1998) *Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological Monuments of Vengerov District, Novosibirsk Region]. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyu ist.-kul't. naslediya.

6. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtys]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 171 s.
7. Molodin, V.I. & Mylnikova, L.N. (2016) Poselenie Vengerovo-2 [Vengerovo-2]. In: Makarov, N.A. et al. *Rossiya kak arheologicheskoe prostranstvo* [Russia as an Archaeological Space]. Moscow : Izd-vo IA RAN, 2016. pp. 74–77.
8. Shevchenko, B.P. (2003) *Anatomiya burogo medvedya* [Anatomy of a Brown Bear]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
9. Pasolodos, R.J., Benito, C.G. & Fernández, Ju.Je.P. (2014) The clay rattles of the Numantine Museum of Soria. An approach from experimental archaeology. In: Eichmann, R., Fang Jianjun & Koch, L.C. (eds) *Studies in Music Archaeology IX*. Vol 33. Rahden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH. pp. 47–64. DOI: 10.1002/arp.1529
10. Clodre-Tisson, T. (2006) *La musique aux âges du Bronze et du Fer en Europe* [The Music of the Bronze and Iron Age in Europe]. Ph.D. Diss. Paris.
11. Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Nesterova, M.S., Efremova, N.S., Borzykh, K.A. & Selin, D.V. (2016) Poselenie krotovskoy kul'tury Vengerovo-2: Novye otkrytiya [Vengerovo-2 Settlement of the Krotovo culture: New discoveries]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arheologii i etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 22. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 343–347.
12. Fenenga, G.L., Erwin, B., & Erwin, W. (2011) A prehistoric ceramic rattle from the Southwestern Shoreline of ancient Lake Cahuilla, Imperial County, California. *Rapport of the Archaeological Society Quarterly*. 51(1). pp. 1–20.
13. Selyanina, M.Yu. (ed.) *Surgutskiy kraevedcheskiy muzey. Arkheologicheskoe sobranie* [Surgut Museum of Local Lore. Archaeological Collection]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan.
14. Medvedev, V.E. (2005) Neoliticheskie kultovy tsestry v doline Amura [Neolithic Cult Centres in the Amur Valley]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(24). pp. 40–69.
15. Matyushchenko, V.I. (1961) Ob antropomorfnykh izobrazheniyakh na glinyanykh sosudakh iz poseleniya Samus'-IV [On anthropomorphic images on clay vessels from Samus'-IV]. *Sovetskaya arheologiya*. 4. pp. 266–269.
16. Kosarev, M.F. (1964) K voprosu ob antropomorfnykh i solyarnykh risunkakh na samus'skoy keramike [On anthropomorphic and solar drawings on Samus ceramics]. *Sovetskaya arheologiya*. 1. pp. 292–295.
17. Studzitskaya, S.V. (1969) Obraz zverya v melkoy plastike sibirskikh plemen v epokhu eneolita i ranney bronzy [The animal image in the small plastic of Siberian tribes in the Eneolithic and Early Bronze]. In: Levashova, V.P. (ed.) *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Expeditions of the State Historical Museum]. Moscow: State Museum of History. pp. 39–63.
18. Studzitskaya, S.V. (1987) Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [The art of the Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Epokha bronzy lesostepnoy polosy SSSR* [The Bronze Epoch of the USSR Forest-Steppe]. Moscow: Nauka. pp. 318–326.
19. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura: Trudy Muzeya arheologii i etnografii Sibiri* [The Ancient Art of Siberia: Samus Culture: Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
20. Molodin, V.I., Oktyabrskaya, I.V. & Chemyakina, M.A. (2000) Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzy [The image of a bear in the plastic of West Siberian aborigines of the Neolithic and Bronze Age]. In: Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 23–36.
21. Kosintsev, P.A. (2000) Chelovek i medved' v golotsene Severnoy Evrazii (po arheologicheskim dannym) [The man and the bear in the Holocene of Northern Eurasia (according to archaeological data)]. In: Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 4–9.
22. Matyushchenko, V.I. (1973) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek). Ch. II. Samus'skaya kul'tura [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age). Part II. Samus culture]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 10. Tomsk: Tomsk State University.
23. Eding, D.N. (1940) *Reznaya skulptura Urala: Iz istorii zverinogo stilya* [Carved Sculpture of the Urals: From the History of the Bestial Style]. Moscow: State Museum of History.
24. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River: A Cultural and Chronological Analysis of the Burial Complexes of the Odinovsk Culture]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
25. Molodin, V.I. (1994) Original'nye poynasnye pryazhki epokhi razvitoy bronzy iz Gornogo Altaya i Zapadnosibirskoy lesostepi [Original belt buckles of the Late Bronze from the Gorny Altai and the West Siberian forest-steppe]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Drevnie kul'tury Yuzhnoy Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Southern Siberia and Northeast China]. Novosibirsk: Nauka. pp. 82–86.
26. Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (2000) (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
27. Lipina, L.I. (2006) Ikonografiya arochnykh shumyashchikh podvesok s obrazom medvedya v Priural'e [Iconography of arched noisy pendants with an image of a bear in the Urals]. In: Bers, E.M. (ed.) *Pyatye Bersovskie chteniya* [The Fifth Bers Reading]. Ekaterinburg: Kvadrat. pp. 152–155.
28. Lbova, L.V. & Kozhevnikova, D.V. (2016) *Muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty* [Musical Activity and Phono Instruments]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
29. Karmanov, V.N. (2006) Melkaya plastika evropeyskogo Severo-Vostoka [Small plastic of the European Northeast]. In: smirnov, V.I. (ed.) *Uchenye zapiski Nizhnetagil'skoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii obshchestvennykh nauk* [Scientific Notes of Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy of Social Sciences]. Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. pp. 61–70.
30. Sheykin, Yu.I. (2002) *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the Musical Culture of the Siberian Peoples: A Comparative Historical Study]. Moscow: Vostochnaya literature.
31. Martín Valls, R. & Romero Carnicero, F. (1980) Dos sonajeros Vacceos [Two Vaccae rattles]. *Boletín del Seminario de Estudios e Arte y Arqueología*. 46. pp. 160–165.
32. Ance, J.M. (2010) *La cremation en milieu rural en Gaule Belgique romaine. Les exemples de la Lorraine et du Nord Pas-de-Calais* [Cremation in a rural district in Roman Belgic Gaul. The examples of Lorraine and Nord Pas-de-Calais]. Ph.D. Diss. Lyon.
33. Molodin, V.I., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2015) Krotovskaya kul'tura v Pravoberezhnom Priiryshe: novye issledovaniya poseleniya Vengerovo-2 [The Krotovo culture in the Right Bank Priiryshe: A new research of Vengerovo-2]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 14(3). pp. 63–75.
34. Mérida y Alinari, J.R. (2004) *La Arqueología Española* [Spanish Archeology]. Pamplona.